

ВОСПОМИНАНІЯ КАРОЛИНЫ КАРЛОВНЫ ЭШЛИМАНЪ

I. Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ

Въ двухъ верстахъ отъ города Ялты, въ углу, гдѣ отъ Симферопольскаго шоссе отдѣляется въ глубь лѣса живописная горная дорога къ новымъ массандровскимъ подваламъ, пріютилась небольшая двухъ-этажная дача. Ея балконы и терассы цѣпко обхватили упругіе стволы пышно разросшейся глициніи, по южной и западной сторонамъ до самой черепичной крыши всползли по стѣнамъ лозы плодоноснаго винограда. Громоздкая старинная мебель краснаго дерева внутри дома, книги въ старыхъ сафьянныхъ переплетахъ, старые портреты и гравюры—все говоритъ здѣсь о прошломъ и даже о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда Южный берегъ не зналъ еще алчной суеты теперешней жизни, когда устраивались здѣсь надолго, а потому прочно; устраивались здѣсь для себя, а не для людей,—ради быстрой наживы, п самаго безцеремоннаго и назойливаго обираванія легкомысленной пріѣзжей публики. Эта дача—владѣніе г-жи Эшлиманъ, милой старушки, тихо доживающей свои дни въ родномъ ей уголкѣ; въ уголкѣ, гдѣ все говоритъ ея сердцу о далекихъ дѣтскихъ годахъ, о пережитыхъ нѣкогда юношескихъ впечатлѣніяхъ, о тѣхъ дорогихъ и близкихъ людяхъ, прахъ которыхъ уже десятки лѣтъ мирно почіетъ въ матери сырой землѣ.

Хотя старушка Каролина Карловна Эшлиманъ живо интересуется событіями современной жизни, но ея душа, ея помыслы безраздѣльно

слились съ тѣмъ давнимъ прошлымъ, когда на Южномъ берегу, тогда еще дикомъ и мало населенномъ, волновали русскихъ пионеровъ этого края другія мысли. Подолгу и охотно рассказываетъ старушка о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, о баронессѣ Крюденеръ, о кн. А. И. Голицынѣ, объ академикѣ Кеппенѣ и его семьѣ, многихъ вспоминаетъ она,—многихъ изъ тѣхъ, чьи имена давно стали достояніемъ исторіи.

Дача К. К. Эшлиманъ называется по-татарски „Планжи-Сарай“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „Домъ-Архитектора“. Старога „планжи“-архитектора Карла Ивановича Эшлимана нѣкогда знали всѣ обыватели Южнаго берега. Имъ были воздвигнуты первыя казенныя сооруженія въ Ялтѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ, церковь въ Кореизѣ и старый ялтинскій соборъ, а также сгорѣвшій дворецъ великаго князя Константина Николаевича въ Ореандѣ, живописными развалинами котораго ежегодно любятъ тысячи путешественниковъ.

Каролина Карловна рассказываетъ исторію водворенія семьи Эшлиманъ въ Крыму:

—„Въ жизни нашей семьи большую роль играетъ случай. И мой отецъ и моя мать уроженцы Швейцаріи. Отецъ мой родомъ изъ кантона Берна изъ городка Бургдорфа, гдѣ старый грозный замокъ съ хранящимся въ немъ вооруженіемъ и утварью Среднихъ вѣковъ хранитъ стародавнія преданія о кровавыхъ временахъ фогтовъ. Моя мать родомъ изъ городка Шафгаузена, куда низвергающіяся со скалъ воды знаменитаго Рейнскаго водопада привлекаютъ туристовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Отецъ родился въ 1808 году. Блестяще окончивъ мѣстную гимназію (kantonschule), онъ отправился для изученія архитектуры въ Парижскую академію художествъ и закончилъ тамъ свое образованіе, получивъ прекрасный дипломъ. Послѣ того отецъ нѣкоторое время частнымъ образомъ практиковалъ въ Бернѣ, а затѣмъ получилъ должность помощника городского архитектора. Случайно ему попался въ руки номеръ газеты, въ которомъ одно знатное и богатое семейство приглашало подходящее лицо сопутствовать ихъ сыну, отправлявшемуся на югъ Россіи. Отца заинтересовало это странное объявленіе и онъ пошелъ по указанному въ газетѣ адресу. Молодой иностранецъ, нуждавшійся въ спутникѣ и менторѣ, былъ испанскій графъ Ошандо-де-ла-Банда. Онъ ѣхалъ въ Крымъ, на Южный берегъ, въ имѣніе Кореизъ, принадлежавшее тогда княгинѣ Аннѣ

Сергѣевнѣ Голицыной, урожденной Всеволожской. Она хорошо была знакома съ семьею графа Опшандо-де-ла-Банда по Швейцаріи и, когда узнала, что врачи посовѣтовали молодому графу отправиться на излеченіе въ теплыя страны, пригласила его къ себѣ на зимовку въ Кореизъ.

Хотя мой отецъ по счету явился 29-мъ кандидатомъ, изъ заявившихъ желаніе сопутствовать графу, и былъ наиболѣе молодымъ изъ нихъ, родители больного юноши предпочли его другимъ. Вскорѣ молодые люди тронулись въ далекій путь. Ѣхали они въ дорожной каретѣ, нарочно на этотъ случай прибрѣтенной. Путь лежалъ черезъ Вѣну на Одессу. Тамъ мой отецъ долженъ былъ передать съ рукъ на руки молодого графа директору пансіона г. Жерару. Г. Жераръ отказался везти графа въ Кореизъ, такъ какъ въ это время въ пансіонѣ производились экзамены. Онъ попросилъ моего отца доставить графа въ Крымъ. Отцу волей неволей пришлось согласиться. Въ іюль 1828 года молодые путешественники благополучно добрались до Кореиза. Княгиня Голицына любезно встрѣтила отца и пригласила его остаться погостить у нея, обѣщая доставить ему выгодную работу.

Мой отецъ, имѣвшій возможность близко узнать княгиню, рассказывалъ много любопытнаго объ этой интересной женщинѣ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка на Южномъ берегу Крыма водворились самые видные члены мистическаго кружка, который во вторую половину царствованія императора Александра Благословеннаго, прибрѣлъ такое громадное вліяніе на впечатлительнаго государя*). Въ этомъ кружкѣ мистиковъ видную роль играла княгиня Анна Сергѣевна Голицына. Это, по рассказамъ отца, была очень странная женщина. Уже самый ея бракъ вызывалъ много разговоровъ. Тотчасъ послѣ вѣнца княгиня передала своему мужу портфель, наполненный деньгами, этотъ портфель она держала въ рукахъ во все время обряда вѣнчанія, и заявила ему: „здѣсь, князь, половина моего приданого, вы возьмете это себѣ, а засимъ—позвольте съ вами проститься и пожелать вамъ всего наилучшаго: каждый изъ насъ пойдетъ своей дорогой. И вы и я сохранимъ полную свободу дѣйствій“. Князь немедленно уѣхалъ, княгиня нѣкоторое время жила въ Петербургѣ, а затѣмъ поселилась въ Кореизѣ, куда съѣзжались къ ней ея многочисленные

*) Это были: министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. Александръ Ник. Голицынъ, учредитель въ Россіи Библейскаго Общества, знаменитая баронеса Варвара-Юліана Крюднеръ и другіе.

друзья, въ ихъ числѣ было много иностранцевъ. Между прочимъ, у нея долго гостила графиня Ламоттъ, сыгравшая такую позорную роль въ извѣстной исторіи съ ожерельемъ несчастной французской королевы Маріи-Антуанеты*).

Въ гостинной, гдѣ принимала княгиня гостей, на изящномъ столикѣ неизмѣнно лежало Евангеліе. Каждого приходившаго къ ней, княгиня заставляла прочитывать главу изъ Св. Писанія. Но это нисколько не мѣшало княгинѣ собственноручно на конюшнѣ жестоко пороть плеткою своихъ провинившихся крѣпостныхъ и, когда мой отецъ, возмущенный ея жестокимъ обращеніемъ съ дворовыми людьми, высказалъ ей свое удивленіе и осужденіе, княгиня, любезно улыбаясь, на изящномъ французскомъ языкѣ отвѣтила ему:

„Monsieur Эшлиманъ, прошу васъ для себя немножко больше снисхожденія и немножко больше любезности“.

Княгиня подчасъ давала и болѣе рѣзкіе отвѣты. Такой отвѣтъ получилъ между прочимъ таврической губернаторъ Казначеевъ, человекъ въ высшей степени добрый и стремившійся обуздать произволь именитыхъ владѣльцевъ крымскихъ латифундій. Владѣнія княгини не были огорожены, татарскій скотъ иногда переступалъ границу имѣнія, а еще чаще пасся на спорныхъ участкахъ. Княгиня пристрѣлывала облюбованныхъ ею животныхъ и убитую скотину свѣживала и отправляла въ свои погреба. Губернатору во множествѣ поступали жалобы на нее отъ татаръ сосѣднихъ деревень. Казначеевъ счелъ нужнымъ объяснить ся съ княгиней и отправился въ Керчь.

„Княгиня, обратился онъ къ ней: ко мнѣ поступаетъ отъ татаръ много жалобъ на васъ. Вы убиваете ихъ скотъ; я попрошу васъ больше этого не дѣлать“.

Анна Сергѣевна, въ упоръ смотря на губернатора, молчала. Казначеевъ повторилъ свою просьбу.

„Ты—дуракъ“, оборвала его княгиня и вышла изъ комнаты.

Вышло такъ, что моему отцу пришлось загоститься у княгини значительно дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Въ 1829—30 годахъ на

*) Это извѣстіе подтверждаетъ и Вигель въ своихъ „Запискахъ“ (III кн., часть VII, стр. 6—7) и баронесса М. А. Бодэ, воспоминанія которой были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1882 годъ (кн. 3-я).

югѣ Россіи свирѣпствовала чума, дорога въ Одессу была закрыта, между тѣмъ тамъ у г. Жерара оставлены были и бумаги и вещи молодого архитектора. Отецъ томился вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Княгиня передавала ему кое какія работы, но они слишкомъ мало отнимали у него времени. Между тѣмъ прибылъ въ Крымъ намѣстникъ Кавказа и главный начальникъ Новороссійскаго края графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, впоследствии князь. Княгиня представила моего отца графу. Хорошо образованный и воспитанный швейцарецъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на могущественнаго русскаго сановника. Графъ Воронцовъ заявилъ Эшлиману, что онъ не отпуститъ его на родину и устроитъ на службу въ Крыму. И, дѣйствительно, по представленію намѣстника, вскорѣ учреждена была должность казеннаго архитектора Южнаго берега Крыма. Карлу Ивановичу предложили занять эту должность. После нѣкотораго колебанія онъ согласился и съ этого времени окончательно содѣялся гражданиномъ Россійской имперіи. Первая казенная постройка, возведенная имъ, была временная деревянная карантинная застава въ Ялтѣ.

Графъ Воронцовъ до самой смерти не переставалъ благоволить къ моему отцу и не стѣснялся посвящать его въ свои самыя интимныя дѣла. Графъ сильно увлекался Нарышкиной, урожденной графиней Потоцкой. По его порученію строилъ мой отецъ домъ для Нарышкиной въ Мисхорѣ и часто молодой архитекторъ выслушивалъ приказанія намѣстника, когда тотъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней. Выстроенный имъ домъ до сихъ поръ существуетъ въ Мисхорѣ.

Нѣсколько второстепенныхъ построекъ возвелъ отецъ и для самаго намѣстника въ его имѣніи Алупка; главныя же постройки и знаменитый алупкинскій замокъ были выстроены по проекту англійскаго архитектора Блора. Двѣнадцать лѣтъ трудились надъ его постройкою итальянскіе мастера подъ руководствомъ архитектора Гонта. Матерьяломъ служилъ мѣстный зеленый гранитъ. Какъ то разъ мой отецъ спросилъ графа Воронцова, въ какую сумму обошелся алупкинскій дворецъ.

— „Онъ мнѣ стоитъ очень дорого, отвѣтилъ графъ Воронцовъ, первоначально я записывалъ суммы отпускаемыя на его постройки, но когда расходы превысили милліоны, я пересталъ ихъ записывать, такъ какъ не хочу знать во что онъ мнѣ обошелся“.

Мой отецъ всегда съ большой похвалой отзывался о графѣ Воронцовѣ.

II. Семья Мауреръ.

Каролина Карловна рассказываетъ исторію семьи своей матери:— „Случай забросилъ моего отца въ Россію, передаетъ она, такой же случай привелъ сюда-же нѣсколько ранѣе и мою мать. Ея отецъ, а мой дѣдъ, г. Мауреръ, занималъ на родинѣ большую должность. Его считали краснымъ, и когда палъ Наполеонъ, противники, не взирая на большія заслуги моего дѣда, удалили его съ занимаемой имъ должности. На него это такъ сильно подѣйствовало, что онъ занемогъ и умеръ. Послѣ того моей бабкѣ сталъ ненавистенъ Шафгаузенъ и она только о томъ и думала, какъ бы покинуть городъ, гдѣ она такъ много выстрадала за любимаго человѣка. Однажды подъ вечеръ къ ней въ домъ вошла незнакомая дама.

„Меня преслѣдуетъ по пятамъ полиція, заявила она: я вынуждена скрываться. Разрѣшите сегодняшнюю ночь переночевать у васъ; вы этимъ окажете мнѣ величайшую услугу. Завтра на разсвѣтѣ я оставлю вашъ домъ“.

Моя бабка была немало смущена визитомъ и просьбою дамы, но тѣмъ не менѣе не захотѣла отказать иностранкѣ въ пріютѣ. Дама заночевала у насъ. На утро она попросила мою бабушку, чтобы та разрѣшила ей дочери, а моей теткѣ Еленѣ Яковлевнѣ проводить ее до городскихъ воротъ. Теткѣ моей было тогда всего 17 лѣтъ, она только что кончила институтъ Песталоцци. Бабушка разрѣшила. Передъ уходомъ гостя открыла свое имя—это была знаменитая баронесса Крюднеръ, имѣвшая одно время такое громадное вліяніе на императора Александра Перваго. У городскихъ воротъ баронесса попросила мою тетку проводить ее до границы кантона. Тетка была въ возрастѣ, когда дѣвушка легко подчиняется чужому вліянію, а баронесса обладала свойствомъ увлекать и подчинять своей волѣ даже сильные мужскіе характеры. На границѣ кантона г-жа Крюднеръ уговорила Елену Яковлевну отправиться съ нею дальше.

Въ это время имя баронессы Крюднеръ гремѣло въ Швейцаріи, да и не только въ Швейцаріи, но и по всей Европѣ. Швейцарскія газеты полны были описаній ея дѣйствій. Одни ругали ее, злословили на ея счетъ, насмѣхались надъ нею, другіе, напротивъ, преклонялись передъ нею, слѣпо слѣдовали ея внушеніямъ. Въ 1816-мъ году Швейцарію и южную Германію постигъ сильный неурожай: сдѣ-

лался голодъ, онъ принялъ вскорѣ такіе ужасные размѣры, что на переputяхъ и по дорогамъ подбирали трупы умершихъ отъ голода; люди питались обрывками ремней, древесною корою, корнями несъѣдобныхъ растений. Это, по разсказамъ моей матери и тетокъ, по истинѣ было ужасное время. И вотъ въ этотъ-то голодный годъ, осенью 1816-го года и зимою 1817-го года, баронесса Крюднеръ и ея друзья проявили необычайно энергичную благотворительную дѣятельность. Всюду, гдѣ появлялась баронесса, собирались толпы бѣднаго люда. Ей устраивали возвышеніе, съ котораго она говорила свои горячія проповѣди, а въ это-же время въ громадныхъ котлахъ варили пищу голодающимъ. Скопленіе массы людей вызывало нѣкоторый безпорядокъ, и правительства цвейцарскихъ кантоновъ и городовыя магистраты, опасаясь народнаго бунта, старались поэтому поскорѣ спровадить отъ себя неудобную гостью. Такъ странствовала она по Швейцаріи изъ кантона въ кантонъ, изъ города въ городъ, постоянно гонимая властями и полиціей. Моя тетка сопутствовала ей въ ея послѣднихъ скитаніяхъ по Швейцаріи, отъ Шафгаузена до границъ Баденскаго великаго герцогства. Отсюда баронессу и ея спутниковъ отправили въ Россію. Послѣ многихъ мытарствъ г-жа Крюднеръ и ея самые близкіе друзья, а въ числѣ ихъ была теперь и моя тетка Елена Яковлевна, добрались до Лифляндіи и поселились въ имѣніи баронессы—въ помѣстьѣ Коссе. Это было зимою 1817-го года.

Вскорѣ бабушка получила изъ Россіи письма отъ самой баронессы и отъ Елены Яковлевны, въ которыхъ обѣ настойчиво убѣждали ее перебраться въ Россію. Послѣдняя нѣкоторое время колебалась, а затѣмъ сдалась и со всей семьей переѣхала въ Россію, сперва въ Коссе.

Когда баронесса Крюднеръ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, заболѣла у себя въ имѣніи, княгиня Анна Сергѣевна Голицына уговорила ее отправиться съ нею на югъ Россіи въ Крымъ. Баронесса Крюднеръ согласилась. Весною 1824-го года княгиня А. С. Голицына, больная Крюднеръ, ея зять и дочь Беркгеймы, семья Мауреръ (моя бабушка, ея сыновья и дочери) и другія лица, рѣшившіяся поселиться въ Крыму, тронулись въ путь. Ѣхали водою по Волгѣ и по Дону. Моя мать и тетка Елена Яковлевна часто вспоминали объ этой достопамятной поѣздкѣ.

Въ Крыму моя бабушка, близъ Бахчисарая, у деревни Азекъ, на берегу рѣки Альмы, купила себѣ имѣннице. Здѣсь-то и встрѣтились

другъ съ другомъ мои родители, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этой поѣздки. По странной прихоти судьбы они, будучи кровными швейцарцами и изъ старинныхъ швейцарскихъ родовъ, неожиданно попали въ Россію и притомъ черезъ посредство двухъ знатныхъ русскихъ дамъ, стоявшихъ во главѣ тогдашняго мистическаго кружка—баронессы Крюднеръ и княгини А. С. Голицыной; между тѣмъ ни мой отецъ, ни члены семьи моей бабушки, за исключеніемъ тетки Елены Яковлевны Мауреръ, никогда не были мистиками. Послѣдняя, единственная изъ всей семьи, приняла православіе. Замужъ она не пошла и до самой смерти поддерживала дружбу и оживленную переписку со многими членами мистическаго кружка въ Россіи.

Я уже была взрослой дѣвушкой, когда однажды пріѣхала въ Азекъ. Молодежь собиралась ѣхать осматривать достопримѣчательности Бахчисарая, Успенскій монастырь и Чуфуть-кале. Тетка Елена Яковлевна уговаривала меня остаться: она хотѣла мнѣ прочесть письма Крюднеръ и другихъ своихъ друзей (изъ нихъ уже многихъ не было въ живыхъ). По легкомыслію, свойственному тому возрасту, въ какомъ я тогда была, я предпочла ѣхать въ Бахчисарай. Послѣ того мнѣ не пришлось при жизни тетки попасть въ Азекъ, и, когда позже я спохватилась и стала разыскивать письма моей тетки, было уже поздно: я ихъ не нашла; очень можетъ быть, что по смерти Елены Яковлевны ихъ уничтожили.

Семья моей бабушки жила еще въ Кореизѣ, когда императоръ Александръ Первый вторично посѣтилъ Южный берегъ Крыма. Это было въ 1825 году, осенью. Государь остановился въ Нижней Ореандѣ, которая незадолго передъ тѣмъ была куплена имъ у графа Куселева-Безбородки. Управляющимъ имѣніемъ былъ Фельдманъ. Въ Ореанду навстрѣчу ему собирались жители окрестныхъ селеній, въ томъ числѣ и „кореизская колонія“. Одна изъ моихъ тетокъ, Генріетта Яковлевна Мауреръ, въ то время бывшая въ возрастѣ молодой дѣвушки, отличалась очень привлекательной наружностью. Императоръ обратилъ на нее вниманіе, онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку. Когда государь поднималъ голову, локоны волосъ моей тетки упали на его густые эполеты и запутались въ нихъ. Это происшествіе очень сконфузило ее.

Прошло послѣ того немного дней и изъ Таганрога пришло, какъ громъ поразившее всѣхъ, извѣстіе о смерти великодушнаго императора. Этой смерти долго не хотѣли вѣрить, а потомъ стали ходить слухи,

что якобы государь живъ и здоровъ, но, утомленный понесенными трудами на благо своего народа и долгою войною съ Наполеономъ, добровольно сложилъ съ себя бремя правительственныхъ заботъ и ушелъ отъ міра въ невѣдомыя глухія мѣста, чтобы въ тиши и въ полной безвѣстности отдаться молитвѣ и служенію Богу“.

III. Старая Ялта.

Каролина Карловна рассказываетъ о „старой Ялтѣ:—„Случайно попали мои родители въ Россію, но пожалѣть имъ о томъ не пришлось. Счастливо протекла ихъ жизнь въ новомъ отечествѣ. Счастливо она прошла и для мѣня, родившейся здѣсь въ Крыму. Въ нынѣшнемъ 1912-мъ году мнѣ минуло семьдесятъ пять лѣтъ, въ этомъ-же году столько-же лѣтъ исполнилось городу Ялтѣ. Нѣкогда греческій, потомъ генуэзскій и, наконецъ, турецкій городъ, Ялита, Джалита, Ялта послѣ присоединенія Крыма къ Россіи существовала какъ незначительное приморское поселеніе (Аутка была гораздо больше ея), и только 17-го сентября 1837 года въ силу Высочайшаго повелѣнія императора Николая Павловича переименована была въ городъ. Отецъ часто вспоминалъ событія, при которыхъ это нѣкогда маленькое селеніе съ десяткомъ какимъ-нибудь жалкихъ рыбацкихъ хижинъ стала городомъ и мѣстомъ, куда устремились десятки тысячъ больныхъ, путешественниковъ, прожигателей жизни и всевозможныхъ дѣльцовъ.

Приморское селеніе Ялта обращено было въ городъ вслѣдствіе представленія новороссійскаго генераль-губернатора графа М. С. Воронцова.

Въ 1837 году на южный берегъ Крыма прибылъ императоръ Николай Павловичъ съ Августѣйшимъ семействомъ. Царская семья помѣстилась въ Алупкѣ у графа Михаила Семеновича Воронцова. Намѣстникъ, заранѣе поручившій моему отцу составить проекты плана города и будущихъ построекъ его, распорядился представить ихъ на утвержденіе Государя. Императоръ былъ не въ духѣ. А тутъ его къ тому же въ конецъ разстроилъ неудачный смотръ одного полка, только что прибывшаго съ Кавказа, которымъ управлялъ тогда генералъ Муравьевъ. Люди имѣли измученный видъ, пришли въ оборванныхъ и запыленныхъ мундирахъ. Воронцовъ уговорилъ государя сдѣлать смотръ полку. На смотрѣ—онъ былъ устроенъ на площадкѣ надъ шоссею дорогой идущей въ Мисхоръ—выстроенный полкъ неудачно исполнилъ команду императора и окончательно осрамился.

Государь, блѣдный отъ раздраженія, съ плеткой въ рукахъ вплотную подѣхалъ къ сконфуженному въ конецъ командиру полка генералу Абентроту и гнѣвно сказалъ ему:

— „Генераль, если черезъ мѣсяць твой полкъ не приметъ надлежащій видъ, я отдамъ тебя подъ судъ“!

Сказавъ это, онъ круто повернулъ коня и поскакалъ въ Ялту. За нимъ послѣдовала свита.

На площадкѣ, гдѣ теперь стоитъ часовня въ память бракосоченія царствующихъ нынѣ Государя и Государыни, императоръ Николай Павловичъ въ клочки порвалъ всѣ представленія генерала-губернатора о наградахъ подчиненныхъ ему лицъ и нѣкоторыя другія представленныя ему бумаги, но тогда-же повелѣлъ обратить Ялту въ городъ, очертилъ на картѣ его границы и утвердилъ составленный моимъ отцомъ планъ. Наканунѣ этого дня, 16-го сентября, освящена была только что законченная постройкою церковь во имя св. Іоанна Златоуста,—та церковь, что обычно называютъ старымъ соборомъ. Она была сооружена по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ. Строилъ ее мой отецъ. Церковь была выстроена въ готическомъ стилѣ. Сейчасъ и наружный и внутренній видъ ея сильно измѣненъ. Позднѣйшія постройки и перестройки нарушили ея первоначальный строго-выдержанный обликъ.

Какъ строитель церкви, мой отецъ погребенъ въ чертѣ ограды этого храма, на площадкѣ обращенной къ городу и бухтѣ. Причтъ церкви затруднялся похоронить его на этомъ мѣстѣ, но послѣдовало по этому поводу Высочайшее распоряженіе въ Бозѣ почившаго императора Александра III и отецъ мой, по вѣроисповѣданію протестантъ, нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе подъ сѣнію созданнаго имъ православнаго храма.

Изъ Ялты императоръ Николай Павловичъ на пароходѣ отбылъ въ Алуку. Онъ прогостилъ тогда на Южномъ берегу нѣсколько дней, пребывая все время въ самомъ дурномъ настроеніи. Что было причиною этого разстроеннаго душевнаго состоянія Государя, для окружающихъ его, за исключеніемъ быть можетъ графа Воронцова, да еще двухъ-трехъ облеченныхъ довѣріемъ Императора лицъ, осталось неизвѣстнымъ.

На моихъ глазахъ создавалась и росла Ялта, и, когда я вспоминаю прежнюю Ялту, тотъ маленькій тихій городокъ, который нѣкогда ютился на пригоркѣ вокругъ стараго собора и сравниваю его съ теперешней шумной, многолюдной и богатой Ялтою, я не узнаю знакомыхъ мнѣ по прежнимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ домовъ и улицъ, все совершенно видоизмѣнилось, камня на камнѣ не осталось отъ прежней *старой Ялты*.

Тамъ, гдѣ теперь размѣщена лучшая часть города, Набережная, Виноградная и другія прилегающія къ нимъ улицы, шли табачныя плантаціи, участки засѣянные льномъ, лежали немногіе виноградники и сады. Вся часть теперешней Ялты, начиная отъ Полицейскаго моста и до Аутки—въ то время типичной деревушки горнаго Крыма,—было пустопорожнее мѣсто. И только тамъ, гдѣ теперь находится Городской садъ, поблизости отъ бурнаго во время дождей потока Учанъ-Су, сиротливо поднимался среди зелени каштановъ и боярышника одинокій, крохотный домигъ г-жи Жокмаръ. Это была француженка эмигрантка. Когда она прибыла въ Россію, я не знаю, но я помню ее въ Ялтѣ чуть ли не съ самыхъ раннихъ годовъ моего дѣтства. Это была высокаго роста, сильная и мужественная женщина. Одѣвалась она оригинально, по мужски. Носила феску, бешметъ и шаровары, на ногахъ высокіе сафьяновые сапоги. Въ привычкахъ и въ образѣ жизни она тоже предпочитала слѣдовать сильной половинѣ человѣческаго рода. Съ ружьемъ въ рукахъ смѣло отправлялась она въ горы, пробиралась по дикимъ ущельямъ и кручамъ, бродила по лѣсамъ, выслѣживая дичь и охотясь на козъ и оленей, служившихъ ей пищею; преслѣдовала лисицъ и барсуковъ. Прислуги она не держала, жила въ домѣ, никого и ничего не страшась. Умерла она 70 лѣтъ, и сколько мнѣ помнится, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Вокругъ Ялты тянулись владѣнія вельможъ: Учъ-Чамъ, теперь принадлежащій княгинѣ М. В. Борятинской, въ то время составлялъ владѣніе графа Понятовскаго, дача г-жи Бакувиной—принадлежала Ермолову, брату извѣстнаго генерала Ермолова, героя войны 1812 года и грознаго покорителя Кавказа, Ялтинская долина—графу Мордвинову, нашъ Планжи-Сарай, бывшій тогда безыменной дачей,—графу Сухтелену, Ливадія—графу Потоцкому и Верхняя Ореанда—графу Витту.

Этотъ гр. Виттъ увлекъ красавицу графиню Собанскую. Она оставила мужа и пріѣхала въ Ореанду. Княгиня Анна Сергѣевна Голицына, узнавъ объ этой исторіи, пришла въ сильнѣйшее негодованіе.

— „При первой-же встрѣчѣ съ этой негодницей я плюну ей въ морду“! заявляла она моему отцу и другимъ.

Однако такого скандала не произошло. Увидя гр. Собанскую, княгиня въ такой мѣрѣ была очарована ея необычайно-привлекательной наружностью, что подошла къ ней, обняла ее и поцѣловала.

— „Боже, какая-же вы душечка“! сказала она ей.

Съ этого момента Анна Сергѣевна не переставала благоволить къ красавицѣ сосѣдкѣ, и когда охладѣвшій къ ней гр. Виттъ разошелся съ Собанской, бросивъ бѣдную женщину, пожертвовавшую ради него и мужемъ и общественнымъ положеніемъ, на произволъ судьбы, княгиня приняла въ ней горячее участіе и энергично хлопотала за нее.

При постройкѣ корейской часовни—ее строилъ мой отецъ—крестъ предназначенный на ея куполь, оказался слишкомъ громоздкимъ. На часовнѣ утвердили другой крестъ, а этотъ княгиня распорядилась поставить на одной изъ скалъ Верхней Ореанды, такъ, чтобы онъ былъ видѣнъ изъ оконъ дома графа Витта.

— „Поставьте его на горѣ,—сказала она моему отцу: пусть онъ служить живымъ укоромъ графу въ его поведеніи и напоминаетъ ему о днѣ Страшнаго Суда“.

Крестъ былъ утвержденъ на указанномъ мѣстѣ. На утро лучи солнца озарили яркимъ блескомъ массивъ его, чтобы освѣтить новую причуду княгини и, изумленный этимъ зрѣлищемъ, графъ Виттъ могъ снова пожимать плечами на выходы своей беспокойной сосѣдки. Крестъ этотъ стоитъ и понынѣ на томъ же мѣстѣ.

Графъ Виттъ остался на всю жизнь холостымъ. Минуя своихъ наслѣдниковъ, онъ захотѣлъ подарить Верхнюю Ореанду великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, но великая княгиня отклонила его настойчивыя просьбы принять даръ.

— Нѣтъ, графъ,—сказала она ему,—если ужъ вы такъ хотите, чтобы я владѣла Ореандою, предоставьте мнѣ ея пользоваться пожизненно, такъ какъ на иныхъ условіяхъ я не считаю себя въ правѣ принять ее; уступивъ вашему желанію я поступила бы несправедливо по отношенію къ вашимъ наслѣдникамъ“.

Вотъ почему по смерти великой княгини Елены Павловны Верхняя Ореанда перешла по наслѣдству къ родственницѣ графа—графинѣ Шуваловой, а затѣмъ къ ея дочери—княгинѣ Долгоруковой.

Властолюбивая и энергичная кн. А. С. Голицына часто вмѣшивалась въ семейныя отношенія окружающихъ ея лицъ. Баронъ Беркгеймъ не разъ жаловался моему отцу на своенравную княгиню, что та сбѣтъ раздоры между супругами Беркгеймъ. Баронесса постоянно пребывала въ Корейзѣ, баронъ обычно жилъ у себя на дачѣ, въ Судахъ, подлѣ генуэзской крѣпости. Каждый разъ, какъ онъ прїѣзжалъ въ Корейзъ, кн. Голицына принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не оставался наединѣ съ женою. Княгиня вообще отрицала брачное сожителство между людьми.

—„Княгиня, какъ Аргусъ, слѣдитъ за мною и баронессою, ни на минуту не оставляя насъ вдвоемъ—жаловался баронъ Беркгеймъ моему отцу—я не имѣю возможности сказать женѣ съ глазъ на глазъ двухъ словъ. Кромѣ того она постоянно вооружаетъ противъ меня мою жену. Неужели я ужъ такъ плохъ? Не знаю къ чему все это приведетъ“?

Въ концѣ концовъ эти раздоры закончились полнымъ разрывомъ между супругами Беркгеймъ. Баронъ уѣхалъ въ Германію и уже не вернулся къ женѣ. Тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Баронесса Беркгеймъ по смерти княгини Голицыной продала свои виноградники и уѣхала изъ Крыма. Говорили, что послѣ многихъ скитаній она вышла замужъ за какого-то подозрительнаго господина въ Орловской губерніи и тамъ умерла въ одиночествѣ и въ нищетѣ.

У баронессы Беркгеймъ была воспитанница; отъ нея взяла ее къ себѣ княгиня А. Бор. Мещерская. Воспитанница эта вышла очень хорошей дѣвушкой. Ее звали—Елизавета Львовна Франкъ. Она умерла чахоткою, надорвавъ себѣ голосовыя связки непрестаннымъ чтеніемъ княгинѣ книгъ. Другая воспитанница княгини имѣла иную судьбу. Княгиня Мещерская замѣтила, что дѣвушка нравится ея управляющему г. Мейеру. Однажды она спросила у нея:

—„Настя, нравится тебѣ г. Мейеръ“?

И, когда та, покраснѣвъ, отвѣтила утвердительно, княгиня при удобномъ случаѣ задала подобный же вопросъ Мейеру. Получивъ отъ

него откровенный отвѣтъ, княгиня предложила ему жениться на ея воспитанницѣ:

— „Послѣ моей смерти—добавила она—вы оба получите мою землю около Ай-Тодора (теперь „Барбо Кристо“ г-на Титушкина), а пока побѣжайте туда и хозяйничайте тамъ“.

Поблагодаривъ свою благодѣтельницу, молодые супруги отправились въ имѣніе. Благодаря неустаннымъ трудамъ ихъ и вложеннымъ Мейеромъ его деньженкамъ, пустырь черезъ нѣсколько лѣтъ обратился въ превосходное имѣніе. Тогда благодѣтельница княгиня, отказавшись отъ своего прежняго рѣшенія, продала его князю Воронцову за 100,000 рублей. Обремененный семьей, Мейеръ потерялъ въ имѣніи и то, что раньше было имъ скоплено.

Также какъ и ея сестра—графиня Татьяна Борисовна Потемкина, владѣвшая имѣніемъ около Аю-Дага, княгиня А. Б. Мещерская очень интересовалась мистическими книгами“.

IV. Крымская война.

К. К. Эшлиманъ вспоминаетъ событія Крымской войны:— „Я очень хорошо помню это время,—разсказываетъ Каролина Карловна,—вѣдь я тогда была уже взрослой дѣвушкою; и потому отчетливо помню все пережитое въ тѣ дни. Наша семья проживала тогда у себя на дачѣ. Отецъ каждый день ѣздилъ въ городъ и привозилъ намъ новости, слышанныя имъ отъ освѣдомленныхъ лицъ. А новости эти въ большинствѣ случаевъ были грустныя. На Альмѣ русскія войска понесли жестокое пораженіе, Евпаторія и Балаклава заняты были непріятельскими войсками, славный русскій черноморскій флотъ, за годъ передъ тѣмъ одержавшій при Синопѣ блестящую побѣду, потопленъ былъ своими на рейдѣ севастопольскаго порта, а самъ Севастополь обложенъ тѣснымъ кольцомъ непріятельской арміи. О доблестныхъ подвигахъ его защитниковъ доходили вѣсти, но мало было надежды на то, что гарнизонъ многострадальнаго города, несмотря на все геройство русскихъ войскъ, выдержать долгую осаду и бѣшенныя атаки союзниковъ снабженныхъ къ тому-же и лучшею артиллеріей и всѣми послѣдними средствами военной техники...“

Мы не знали, какъ будутъ вести себя непріятельскія войска относительно мирнаго населенія. Что-же касается турокъ, то на этотъ

счетъ сомнѣній не существовало: ихъ варварскій способъ войны и уже учиненныя мѣстами звѣрства надъ христіанскимъ населеніемъ, не обѣщали ничего хорошаго.

Отецъ принялъ мѣры къ тому, чтобы во всякое время семья наша свободно могла выѣхать во внутреннія мѣстности губерніи. На конюшнѣ постоянно стояли двѣ пары воловъ и лошади, въ сараѣ—нужные экипажи и подводы. Всѣ болѣе или менѣе цѣнныя вещи были упакованы и лежали готовыми къ погрузкѣ на подводы. Наконецъ, тревожныя ожиданія разрѣшились прибытіемъ непріятельской эскадры.

Помяну,—это было 11-го октября передъ самымъ разсвѣтомъ—въ окно комнаты, гдѣ помѣщалась моя сестра и я, кто-то тревожно сталъ стучать. Наспѣхъ одѣвшись, мы вышли на дворъ узнать въ чемъ дѣло. Стучалъ нашъ дворникъ.

—Непріятель пришелъ въ Ялту, испуганно объявилъ онъ намъ: надо будить Карла Ивановича и ѣхать отсюда.

Мы распорядились пока отца не будить—могло статься, что дворникъ ошибся,—и побѣжали на ближайшій пригорокъ, что-бы оттуда самимъ наблюдать, что дѣлается въ Ялтѣ.

Мы увидѣли на рейдѣ четырнадцать военныхъ судовъ. Это была эскадра адмирала Шарнгарнье. Команда судовъ занята была промѣромъ глубины бухты.

Когда мы возвратились домой, отецъ уже былъ одѣтъ и собирався ѣхать въ Ялту. Онъ хотѣлъ на мѣстѣ собрать всѣ подробности и выяснить, что дѣлать дальше. Когда онъ пріѣхалъ туда, непріятельскій десантъ уже занялъ своими караулами всѣ выходы изъ города, но отца пропустили безъ особенныхъ затрудненій. Непріятельскіе офицеры завѣрили его, что мирнымъ жителямъ не будетъ сдѣлано никакой обиды. И, дѣйствительно, за все взятое ими въ ялтинскихъ лавкахъ было добросовѣстно уплачено. Брали они здѣсь, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, мыло, свѣчи и кое-какіе другіе продукты. Въ Ливадіи и въ Массандрѣ забрали они сахаръ и шампанское.

Три дня пробылъ непріятельскій десантъ въ Ялтѣ и покинулъ ее, не причинивъ жителямъ никакой обиды.

Когда заключено было перемиріе, мы опять увидѣли непріятельскихъ офицеровъ—это были англичане и французы, совершавшіе прогулки въ окрестностяхъ Ялты. Англичанъ сопровождали ихъ жены и сестры. Англійскія леди разъѣзжали на прекрасныхъ арабскихъ скакунахъ. Онѣ были въ восторгѣ отъ Южнаго берега Крыма, немало восхищались великолѣпнымъ алупскимъ замкомъ, Массандрою, Ливадіей и Ореандой. Нарядныя кавалькады англійскихъ амазонокъ, сопровождаемыхъ британскими и французскими офицерами, разъѣзжали по шоссе и повсюду вносили большое оживленіе.

Не обошлось безъ курьезовъ. Въ единственную ялтинскую гостинницу, г-на Собеза, (она помѣщалась тамъ, гдѣ теперь Центральная гостинница), явился англичанинъ и спросилъ номера для себя и для своей лошади. Хозяинъ гостинницы извинился передъ посѣтителемъ и заявилъ ему, что для него самого помѣщеніе въ гостинницѣ имѣется, что-же касается лошади, то ей придется помѣститься на конюшнѣ гостинницы.

Упрямый Англичанинъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ.

—„Моя лошадь привыкла жить рядомъ со мною—заявилъ онъ— и иначе не можетъ помѣщаться. Если вамъ мало одного фунта стерлинговъ за номеръ лошади, я заплачу три, пять, десять фунтовъ, но прошу васъ отвести номеръ и для коня“.

Г-нъ Собезъ въ концѣ концовъ уступилъ и четвероногій квартирантъ занялъ номеръ по сосѣдству съ номеромъ своего хозяина.

Оригинальные постояльцы пробыли въ гостинницѣ три дня.

Однажды группа катающихся офицеровъ заѣхала къ намъ на дачу. Они, конечно, любезно были приняты. Въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ спросилъ отца:

—„Скажите, когда десантъ высадился въ Ялтѣ, вы очень испугались?“ На это отецъ отвѣтилъ, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что, если высадившіеся окажутся французами, англичанами или савойцами, они, какъ представители культурныхъ націй, мирнымъ жителямъ зла не причинять.

—„Вы не ошиблись, думая такъ, сказалъ офицеръ:—мы никогда не позволили-бы честь своей арміи запятнать обидою мирныхъ жите-

лей. Знайте, что во время военныхъ дѣйствій никто изъ нашихъ офицеровъ и солдатъ не переступилъ ограды Ореанды только потому, что намъ было извѣстно, что Ореанда принадлежитъ дамѣ—русской императрицѣ“.

Высадкѣ въ Ялтѣ непріятельскаго десанта предшествовали неоднократныя ложныя тревоги. Одна изъ нихъ особенно памятна мнѣ. Мать моя была больна и ее временно пришлось помѣстить въ городѣ на отдѣльной квартирѣ. По очереди я и мои сестры дежурили около больной. Однажды ночью, когда я находилась при ней, на улицѣ раздались тревожные крики. Вслѣдъ за тѣмъ кто-то сталъ громко стучать въ нашу дверь. „Не отпирай—сказала мнѣ мать—спроси черезъ дверь: кто стучить?“

На мой вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ:

—„Это я—дворникъ. Подымайтесь скорѣе, барышня, непріятель пришелъ. Весь городъ бѣжитъ на горы“.

Дѣйствительно, по улицѣ, съ насоро связанными узлами, бѣжали мужчины, женщины и дѣти, по мостовой громыхали отъѣзжающіе экипажи.

Насоро одѣвшись, мы приготовились было тоже покинуть нашу квартиру, но, по счастію, въ этотъ моментъ подоспѣлъ посланный отъ отца. Отецъ прислалъ сказать, чтобы мы не беспокоились, такъ какъ никакой опасности нѣтъ: тревога была напрасная. Она была вызвана появленіемъ въ морѣ въ неурочное время судовыхъ огней. Въ городѣ ихъ приняли за огни непріятельскаго флота, между тѣмъ это были огни съ судовъ запоздавшихъ рыбаковъ.

Много въ ту ночь было курьезныхъ эпизодовъ. Такъ одна еврейка, спасавшаяся изъ города въ горы, со страха вмѣсто своего ребенка подхватила подушку и въ дорогѣ убаюкивала ее, въ полной увѣренности, что это ея дитя.

Послѣ этого переполоха отецъ на другой-же день перевезъ мою мать на нашу дачу“.

V. Старожилы Южнаго берега.

Обращеніе Ялты изъ мѣстечка въ уѣздный городъ, предрѣшенное императоромъ Николаемъ Первымъ еще осенью 1837 года, въ бытность его на Южномъ берегу Крыма, нашло себѣ осуществленіе только въ началѣ слѣдующаго года. 23-го марта 1838 года данъ былъ Сенату указъ, въ силу котораго въ южной части Таврической губерніи учреждался новый уѣздъ, подъ названіемъ Ялтинскаго. Въ составъ его, „сверхъ собственно такъ именуемаго Южнаго берега Крыма“, включались также три волости и греческія селенія по ту сторону горъ. Указъ повелѣвалъ учредить въ Ялтѣ городское и уѣздное управленіе. Объ учрежденіи магистрата, думы и сиротскаго суда мѣстное начальство должно было войти съ особымъ представленіемъ, когда по мѣстнымъ обстоятельствамъ признано будетъ возможнымъ и нужнымъ. Вѣдніе городскими доходами и расходами возложено было на городскую полицію и двухъ депутатовъ назначенныхъ отъ мѣстныхъ жителей.

Новому городу дарованы были всѣ права и преимущества представленные Городовымъ Положеніемъ, а въ цѣляхъ скорѣйшаго заселенія его промышленнымъ населеніемъ ялтинскіе купцы и мѣщане освобождены были на 5 лѣтъ: первые отъ платежа за право торговли, а вторые отъ взноса въ Казну мѣщанскаго оклада. На тотъ-же пятилѣтній срокъ Ялта освобождалась и отъ воинскаго постоя.

Однако всѣ эти льготы мало содѣйствовали дальнѣйшему росту города, Ялта долгое время оставалась почти все въ тѣхъ же размѣрахъ—маленькимъ, незначительнымъ городкомъ, и только съ начала шестидесятыхъ годовъ, когда по совѣту лейбъ-медика проф. Сергѣя Петровича Боткина, Ливадія была избрана мѣстомъ жительства для императрицы Маріи Александровны, супруги императора Александра II, и на Южномъ берегу подолгу стала гостить царская семья, городъ началъ быстро увеличиваться въ своихъ размѣрахъ, облегающіе его пустыри въ короткое время покрылись роскошными виллами и дачами и сѣтъ его улицъ далеко продвинулась и по склонамъ холма Дарсана и по берегу моря въ сторону Ливадіи.

„Съ пріѣздомъ царской семьи въ Ливадію, — рассказываетъ К. К. Эшлиманъ, — городокъ Ялта сталъ расти и застраиваться со сказочной быстротой. Около домика Madame Жокмаръ, въ предѣлахъ те-

перешняго Городского сада, выстроилъ для себя небольшой домикъ баронъ Лодэ, ротмистръ пограничной стражи. На деньги, занятыя въ Бессарабскомъ банкѣ, рядомъ съ этимъ домикомъ онъ выстроилъ потомъ другой большой, изъ котораго впослѣдствіи перестроенъ былъ теперешній курзалъ Городского сада. По сосѣдству съ барономъ Лодэ приобрѣлъ себѣ участокъ земли графъ Адлербергъ, министръ императорскаго двора.

Баронъ Лодэ старательно занялся устройствомъ сада возлѣ своихъ домовъ. Это имъ посажены и выращены большія деревья въ теперешнемъ Городскомъ саду: велингтоніи и другія.

Графъ Адлербергъ, владѣнія котораго обнимали часть Городского сада, со стороны Набережной, слѣдовалъ примѣру сосѣда и тоже старательно засаживалъ свой участокъ деревьями и кустами. Какъ всегда, злые языки не приминули возвести на графа обвиненія, что онъ устраивается за счетъ царскаго имѣнія, и потому за его владѣніемъ утвердилось ходячее названіе—„Маленькой Ливадіи“. Впослѣдствіи баронъ Лодэ продалъ городу сперва одну половину своего владѣнія, сколько помнится, за 40,000 рублей, а затѣмъ другую за 30,000 рублей. Между тѣмъ было время, когда моему отцу весь участокъ отъ Полицейскаго моста до Ливадійскаго, иначе говоря, все пространство, занятое теперь Набережной и Виноградной улицами, предлагали купить за 500 рублей. У отца не было тогда этихъ денегъ и сдѣлка не состоялась.

Баронъ Лодэ былъ женатъ на Елизаветѣ Александровнѣ Ашеръ. Это была очень милая семья. Старикъ Александръ Васильевичъ Ашеръ прибылъ на Южный берегъ вмѣстѣ съ другими переселенцами достопамятной „корейской“ колоніи. Онъ былъ крещеный еврей. У баронессы Крюднеръ служила камеристкой очень хорошая, образованная и дѣльная дѣвушка, фрейленъ Гертруда, фамиліи ея я, къ сожалѣнію, не помню. Ашеръ влюбился въ Трудхенъ, какъ обычно называла ее баронесса, и настойчиво сталъ добиваться взаимности. Девять лѣтъ ухаживалъ онъ за ней. Онъ нравился ей, но дѣвушку смущало его еврейское происхожденіе. Въ концѣ концовъ онъ добился своего: она согласилась выйти за него замужъ и бракъ этотъ оказался счастливымъ.

А. В. Ашеръ первое время занимался строительными подрядами. Нужно отдать ему справедливость, подрядчикъ онъ былъ очень неваж-

ный и всякое неудачное сооруженіе долгое время потомъ называли „ашеровской постройкой“. Потомъ онъ служилъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ приставомъ. Скопивъ небольшія деньги онъ купилъ участокъ земли за Гурзуфомъ подлѣ Аю-Дага. Это имѣніе—„Кизильташъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „Красный Камень“.

Дѣтямъ своимъ Александръ Васильевичъ Ашеръ далъ основательное образованіе. Всѣ они вышли хорошими людьми и сынъ его, Сергѣй Александровичъ Ашеръ, въ послѣдствіи оставилъ по себѣ добрую память, какъ хозяйливый и земскій дѣятель. Дочь старика Ашера, Елизавета Александровна, позднѣе вышедшая замужъ за ротмистра барона Лодэ, окончила курсъ въ Одесскомъ институтѣ. Она устроила въ Кизильташѣ нѣчто въ родѣ учебнаго пансіона, въ которомъ за плату 300 рублей въ годъ, содержала и обучала дѣтей разнымъ предметамъ: наукамъ, музыкѣ и рукодѣлію. Въ то время въ Ялтѣ, кромѣ уѣзднаго училища, другихъ учебныхъ заведеній не было, и даже въ губернскомъ городѣ Симферополѣ имѣлась всего только одна прогимназія. При такихъ условіяхъ пансіонъ М-ше Ашеръ явился истиннымъ благодѣяніемъ для жителей Южнаго берега.

Семья Ашера отличалась рѣдкимъ гостепріимствомъ, фрау Ашеръ къ тому же была замѣчательная хозяйка. Эту способность наслѣдовала отъ нея одна изъ дочерей—Татьяна Александровна. Въ гостепріимномъ домѣ Ашеровъ собиралось многолюдное общество—вся тогдашняя интеллигенція Южнаго берега. Одна изъ дочерей старика Ашера, Анна Александровна, вышла замужъ за Визинга—перваго предсѣдателя ялтин-земской управы. Въ послѣдствіи его смѣнилъ въ этой должности его шуринъ, Сергѣй Александровичъ Ашеръ.

Была еще одна семья, гдѣ я часто бывала въ молодыхъ годахъ—это была семья академика Кеппена. Одна изъ его дочерей, Александра Петровна, вышедшая замужъ за директора Никитскаго сада, гр. Келлера, обладала прекраснымъ голосомъ и чудесно пѣла; другая, Наталья Петровна, отличалась большими познаніями въ лингвистикѣ. Она основательно знала нѣсколько языковъ и, между прочимъ, санскритскій. Старикъ Петръ Ивановичъ Кеппенъ жилъ съ семьею въ своемъ имѣніи Карабахѣ, за Аю-Дагомъ. Онъ всецѣло поглощенъ былъ научными занятіями. Фрау Кеппенъ не разъ жаловалась на мужа, за причиняемые безпокойства. У супруговъ была одна кровать. До самой смерти, ежедневно, какова бы не была погода, старикъ въ 2 часа ночи вставалъ съ постели и отправлялся наружу смотрѣть показанія термометра.

Прямо съ воздуха, холодный, а подчасъ, и мокрый, онъ опять укладывался въ постель и при этомъ, иногда приносилъ такой холодъ, что фрау Кеппенъ принуждена была порядкомъ дрогнуть. Какъ не билась она, упрямый старикъ не захотѣлъ ради ея удобства отказаться отъ своихъ метеорологическихъ наблюденій.

Отецъ мой интересовался П. И. Кеппеномъ, главнымъ образомъ, какъ замѣчательнымъ знатокомъ таврическихъ древностей. Въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ неутомимо трудился старикъ академикъ надъ розысканіемъ и описаніемъ остатковъ греческой и генуэзской старины и его книга „Крымскій Сборникъ“, по свидѣтельству археологовъ, до сего времени не имѣетъ сочиненія равнаго себѣ по научнымъ достоинствамъ.

Былъ еще одинъ замѣчательный человѣкъ, съ которымъ пришлось столкнуться моему отцу въ Крыму. Это былъ художникъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Въ Феодосіи гдѣ проживаетъ много караимовъ, строилась новая кенасса (синагога). Таврической губернаторъ А. И. Казначеевъ пріѣхалъ осмотрѣть постройку. Проѣзжая по улицамъ города, онъ обратилъ вниманіе на превосходно исполненный эскизъ лошади, нарисованной на однихъ воротахъ. Губернаторъ заинтересовался рисункомъ.

— „Кто это нарисовалъ?“—спросилъ онъ сопутствующихъ ему чиновниковъ.

— „Извините, ваше превосходительство,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, понявъ вопросъ губернатора, какъ выраженіе неудовольствія на безпорядокъ въ городѣ—все это балуется одинъ здѣшній армяшка. Нѣтъ никого сладу съ мальчишкой, постоянно пачкаетъ своею мазнею ворота и заборы“.

Губернаторъ, иначе оцѣнившій эту „мазню“, подробно расспросилъ о мальчикѣ и сказалъ моему отцу:

— „Займитесь мальчикомъ, Эшлиманъ, я думаю, изъ него выйдетъ нѣчто примѣчательное“.

Отецъ исполнилъ просьбу губернатора и, пока жилъ въ Феодосіи, охотно занимался съ нимъ.

„Пачкуна“ опредѣлили въ 1833 году пансіонеромъ въ Академію Художествъ. Подъ руководствомъ Филиппа Теннера онъ сталъ рисовать морскіе виды и уже въ 1835 году за одинъ изъ своихъ этюдовъ получилъ первую серебрянную медаль“.

VI. Въ Ливадіи.

Приморская полоса земли, составляющая въ настоящее время царское имѣніе, Ливадію, послѣ окончательнаго утвержденія русскихъ въ Крыму пожалована была императрицей Екатериной II-й архипелажскимъ грекамъ. Начальникъ ихъ, генераль Ревеліоти, купилъ у нихъ эту землю, нѣкоторое время владѣлъ ею, а затѣмъ въ 1834 году продалъ ее графу Потоцкому. Послѣдній ревностно занялся приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія. Онъ выстроилъ для себя домъ, соорудилъ необходимыя хозяйственныя постройки и разбилъ садъ и виноградники. По смерти графа удѣльное вѣдомство купило у его наслѣдниковъ Ливадію и государь Александръ II пожаловалъ ее своей супругѣ, императрицѣ Маріи Александровнѣ.

К. И. Эшлиманъ, управлявшій въ это время Ореандою, получилъ изъ Придворной Конторы приказаніе приготовить Ливадію къ царскому пріѣзду. Срокъ былъ назначенъ короткій; домъ графа не требовалъ передѣлокъ, но явилась необходимость возвести цѣлый рядъ новыхъ построекъ: малый дворецъ для наслѣдника-цесаревича, помѣщеніе для свиты, службы для придворной прислуги, казармы и конюшни для царскихъ лошадей; понадобилось соорудить до 60 новыхъ зданій. Въ виду такого большого числа построекъ и спѣшности работъ, К. И. Эшлиманъ обратился въ Придворную Контору съ просьбой прислать ему помощника. Въ помощь ему командировали архитектора-декоратора Монигетти.

„Отецъ мой,—разсказываетъ Каролина Карловна Эшлиманъ,— всегда всѣ проекты и чертежи построекъ составлялъ самъ. Онъ поступилъ также и въ этотъ разъ. Когда всѣ они были имъ составлены, онъ передалъ ихъ для ознакомленія своему помощнику. Около этого времени Монигетти понадобилось ѣхать въ Петербургъ; получивъ на то разрѣшеніе своего новаго начальника, онъ, захвативъ съ собою проекты, отправился туда, и тамъ безъ вѣдома отца представилъ ихъ на утвержденіе въ Придворную Контору. Это еще было полъ-бѣды, но, представляя ихъ въ контору, онъ выдалъ ихъ за свои собственныя.

Проекты были утверждены и Придворная Контора производство всѣхъ работъ возложила на одного Монигетти. Этотъ безсовѣстный поступокъ неслыханно огорчилъ моего отца и онъ сперва рѣшилъ было жаловаться на Монигетти, но я уговорила его оставить это дѣло безъ вниманія. Впослѣдствіи Богъ наказалъ этого человѣка: онъ сошелъ съ ума. Постройки выполнены были имъ неудачно. Малый дворецъ, предназначенный для Наслѣдника Цесаревича, далъ въ стѣнахъ трещины. Изъ Петербурга присланъ былъ для осмотра экспертъ профессоръ Гриммъ. Профессоръ заѣхалъ къ моему отцу и высказалъ ему свое недоумѣніе по поводу образовавшихся трещинъ.

— „Провѣрьте фундаментъ, посоветовалъ ему отецъ.— Мнѣ думается, что при закладкѣ его строители отступили отъ положенныхъ нормъ“.

Профессоръ послѣдовалъ совѣту и, дѣйствительно, когда обнажили фундаментъ, то оказалось, что глубина его не превышала одного аршина, между тѣмъ по мѣстнымъ условіямъ требовалась глубина въ одну сажень. Тогда пришлось передѣлывать Малый дворецъ отъ самаго основанія. Согласно желанію цесаревны Маріи Ѳеодоровны, его возстановили въ прежнемъ стилѣ и въ прежнемъ внутреннемъ видѣ“.

Въ 1861 году по окончаніи красносельскаго лагернаго сбора императоръ Александръ Николаевичъ съ императрицею и съ Августѣйшими дѣтьми въ первый разъ отправился во вновь пріобрѣтенное имѣніе. Они пробыли здѣсь до начала Октября. Вся царская семья жила въ этотъ разъ въ Большомъ дворцѣ (въ домѣ графа Потоцкаго). За отсутствіемъ церкви въ Ливадіи, государь и государыня присутствовали на богослуженіи въ старомъ соборѣ. За неоднократное служеніе въ высочайшемъ присутствіи настоятель собора отецъ Василій Сердюковъ пожалованъ былъ 11-го Октября кабинетнымъ напереннымъ крестомъ.

Съ 1867 года царская семья почти каждую осень пріѣзжала въ Ливадію. Здѣсь Августѣйшіе хозяева отъ времени до времени принимали у себя заграничныхъ гостей—членовъ царствующихъ домовъ. Въ 1869 году пробылъ въ Ливадіи нѣкоторое время принцъ Карлъ Гогенцоллернъ, незадолго передъ тѣмъ признанный русскимъ дворомъ въ достоинствѣ князя Румыніи, позднѣе пріѣзжалъ сюда герцогъ Эдинбургскій, бразильскій императоръ Донъ-Педро и другіе высокіе гости.

Царская семья жила очень просто. Доступъ въ Ливадію былъ открытъ всѣмъ желающимъ и члены царскаго семейства имѣли постоянное непосредственное общеніе и съ ялтинскими горожанами и съ обывателями сосѣднихъ деревень.

„Обыкновенно послѣ завтрака,—разсказываетъ К. К. Эшлиманъ,—государыня Марія Александровна отправлялась въ легкомъ экипажѣ на прогулку. Экипажъ этотъ представлялъ изъ себя пролетку съ плетенымъ кузовомъ; поверхъ его былъ устроенъ синій балдахинъ. Государыня привѣтливо отвѣчала на поклоны гуляющихъ и каждый разъ, когда я и мои сестры встрѣчали ее на прогулкѣ, она милостиво улыбаясь, привѣтствовала насъ возгласомъ: „Guten Tag!“ или „Wie geht es!“

Вся царская семья, а въ особенности императрица, относились къ окружающимъ съ рѣдкимъ вниманіемъ. Я никогда не забуду того трогательнаго участія и милостиваго вниманія, съ какимъ отнеслась государыня Марія Александровна къ нашей семьѣ, когда заболѣла тифомъ моя сестра Елисавета Карловна. Государыня почти каждый день присылала справляться о ея здоровьи одну изъ своихъ фрейлинь.

Государыня и великіе князья часто посѣщали служащихъ въ Ливадіи и въ Ореандѣ. Въ числѣ другихъ посѣтили они г. Классена, ореандскаго садоваго мастера. Классенъ жилъ одиноко; разумѣется, скучалъ, и потому каждую среду онъ устраивалъ у себя нѣчто въ родѣ пирушки, на которую приглашалъ мужскую компанію изъ своихъ знакомыхъ. Обычно наканунѣ онъ отправлялся въ городъ за провизіей и закусками. У него былъ единственный экипажъ—бѣгунки. Такъ какъ на бѣгункахъ укладывать покупки неудобно, то онъ подъ сидѣніемъ устроилъ ящики. Для того, чтобы не забрасывала его грязь, онъ придѣлалъ съ боковъ защитныя крылья. Отъ этихъ доморощенныхъ приспособленій бѣгунки получили удивительно странный видъ и экипажъ его сталъ извѣстенъ подъ кличкой „летучей мыши“, съ которой онъ, дѣйствительно, имѣлъ нѣкоторое сходство. Во время прогулокъ великіе князья неоднократно встрѣчали его на этихъ бѣгункахъ и необычайный экипажъ очень ихъ заинтересовалъ. Возвращаясь однажды къ себѣ домой, г. Классенъ, услышалъ у себя на балконѣ, тамъ, куда обыкновенно ставилъ онъ свой экипажъ, веселый смѣхъ. То были государыня, и великіе князья. Они пришли осматривать „летучую мышь“. Старикъ долженъ былъ во всѣхъ подробностяхъ объяснить императрицѣ и юнымъ

великимъ князьямъ устройство своего экипажа и назначеніе всѣхъ его приспособленій.

Случалось, что по дорогѣ изъ города, г. Классенъ встрѣчалъ катающуюся императрицу. Каждый разъ, когда онъ задерживалъ лошадь и собирался соскочить съ дрожекъ, чтобы стоя раскланяться съ государыней, Марія Александровна останавливала старика возгласомъ: „Bleiben Sie sitzen! Bleiben Sie sitzen!“

Классенъ не былъ женатъ и Императрица по этому поводу любила подтрунивать надъ нимъ, задавая ему вопросъ:

— „Классенъ, скажите пожалуйста, отчего вы не женились?“

Старикъ, краснѣя до корней волосъ, обычно отвѣчалъ:

— „Не суждено было Ваше Императорское Величество“.

Но Государыня, которую это смущеніе старика не мало смѣшило, продолжала настойчиво добиваться болѣе опредѣленнаго отвѣта. Послѣ нѣсколькихъ такихъ бесѣдъ Классенъ, сталъ прятаться отъ императрицы, что, конечно, не осталось незамѣченнымъ и еще болѣе забавляло ее.

Самъ старикъ Классенъ былъ добрѣйшее существо и его иначе не называли, какъ дядя Классенъ. Я думаю, что очень немногіе знали его полное имя—Егоръ Андреевичъ. Въ Россію онъ прибылъ въ молодыхъ годахъ, съ родными не переписывался, и потому, отвыкъ отъ Германіи. Когда послѣ многихъ лѣтъ отсутствія Классенъ поѣхалъ къ себѣ на родину, онъ скоро соскучился тамъ по Россіи и, возвратился опять въ Крымъ.

Классенъ много читалъ, особенно охотно книги теософическаго содержанія, при чемъ любимымъ его авторомъ былъ мистикъ Юнгъ-Шиллингъ. Отчасти причиной его интереса къ этимъ книгамъ послужилъ необычайный случай съ его братомъ—лютеранскимъ пасторомъ. Послѣдній нѣкоторое время жилъ въ Сѣверной Америкѣ и священствовалъ въ одномъ изъ штатовъ, расположенныхъ возлѣ Миссисипи, сколько помнится, въ Огейо. Соскучившись по родинѣ, онъ возвратился въ Германію и получилъ приходъ въ одномъ мекленбургскомъ мѣстечкѣ. Тамъ онъ, вопреки настойчивымъ совѣтамъ своихъ прихо-

жанъ, нанялъ подъ квартиру давно пустовавшій домъ. Объ этомъ домѣ шла нехорошая молва; рассказывали, что въ немъ живутъ какіе-то духи, не дающіе покоя жильцамъ. Отнеся такіе рассказы къ обычному суевѣрію, пасторъ поселился въ домъ, но въ первую же ночь несказанно былъ пораженъ странными явленіями. Всю ночь въ домъ слышались непонятные звуки, онъ и его домашніе ясно различали топотъ множества ногъ, шуршаніе дамскихъ платьевъ и всевозможные другіе звуки. Принимая все это за игру разстроеннаго воображенія, пасторъ провелъ въ домъ еще двѣ ночи. Звуки не прекращались. На третью ночь пасторъ сказалъ по нѣмецки обращаясь къ невидимымъ духамъ: „Всѣ добрые духи славятъ Господа Бога!“ И въ тотъ же моментъ со всѣхъ сторонъ онъ услышалъ множество голосовъ восклицавшихъ: „J tascke! J tascke!“

Этотъ возгласъ на нижнегерманскомъ нарѣчій соотвѣтствуетъ словамъ: „Jch danke! (благодарю)“.

Не только вечеромъ и ночью, но также и днемъ происходили въ этомъ домѣ странныя явленія. Каждый разъ, какъ пасторъ садился къ столу писать письма или какіе либо документы, а также читать книгу, передъ нимъ, на бумагу, ложилась густая тѣнь, какъ будто кто стоялъ за его спиной. Онъ пробовалъ столъ перемѣщать, садился за другой столъ—тѣнь неизмѣнно продолжала ложиться передъ нимъ.

Эти необъяснимыя и безпокойныя явленія въ концѣ концовъ заставили пастора оставить странный домъ.

Какъ садовникъ, Егоръ Андреевичъ Классень до нѣкоторой степени освоился съ метеорологическими явленіями и по разнымъ признакамъ могъ предугадать погоду, хотя, конечно, не всегда вѣрно. Императрица часто спрашивала его:

— „Классень, какая погода завтра будетъ?“

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ его предсказаній, государыня, смѣясь, назвала его „лжепророкомъ“, и послѣ того обычно обращалась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, именуя его новымъ прозвищемъ.

VII. Въ Ореандѣ.

Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I, обычно для поправленія здоровья ѣздила на островъ Сицилію, въ Палермо. Чтобы избѣжать излишнихъ расходовъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ такими заграничными поѣздками, императоръ Николай Павловичъ подарилъ императрицѣ Нижнюю Ореанду и построилъ тамъ для нея дворець. Его строилъ К. И. Эшлиманъ; обошелся онъ баснословно дешево и государь не мало дивился цифрѣ, въ какую онъ сталъ. Архитектору Эшлиману назначали награду, причѣмъ предложили самому выбрать ее. Предполагали наградить его или чиномъ, или орденомъ, или единовременной денежною наградою. К. И. Эшлиманъ вмѣсто того попросилъ опредѣлить въ учебныя заведенія на казенный счетъ двухъ его сыновей. Его просьба была уважена и два его сына были помѣщены въ пансіонъ при симферопольской гимназіи.

„Государь Николай Павловичъ,—даря Ореанду Александрѣ Федоровнѣ, имѣлъ неосторожность сказать ей:

— „Этотъ дворець послѣ моей смерти будетъ твоимъ вдовьимъ домомъ“. Государыня, горячо любившая своего супруга, огорчилась этимъ напоминаніемъ о его смерти и послѣ этого она рѣшительно отказалась жить въ Ореандѣ. Она завѣщала имѣніе великому князю Константину Николаевичу. Послѣдній любилъ Ореанду и подолгу жила въ ней.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ очень доступенъ и простъ въ обхожденіи. При немъ входъ въ Ореанду не былъ возбраненъ публикѣ и великокняжескій паркъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ прогулокъ ялтинцевъ и экскурсантовъ. Иногда благодушіе великаго князя простиралось настолько далеко, что онъ дарилъ гуляющимъ дамамъ букеты цвѣтовъ. По этому поводу много шутокъ вызывалъ тотъ способъ, какимъ великій князь передавалъ иногда цвѣты дамамъ. Приготовленный букетъ онъ поручалъ своему вахмистру; тотъ долженъ былъ подать его той дамѣ, которую найдетъ самою красивою. Въ какой мѣрѣ вкусъ новаго Париса отвѣчалъ дѣйствительному представленію о красотѣ и отвѣчалъ вкусамъ самаго великаго князя, можно догадываться.

Великій князь очень любилъ дѣтей. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ на дачу, сейчасъ-же начиналъ возню съ монми малолѣтними племян-

никами и племянницами. Иногда онъ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Ореанду. Тамъ онъ игралъ съ ними въ прятки, бѣгалъ въ горѣлки, но горѣть отказывался.

— „Ну, ужъ отъ этого избавьте меня—заявлялъ онъ, смѣясь, ребятамъ—горѣть я не буду“.

Любимицей его была моя племянница Валя—бойкая дѣвочка и не безъ нѣкотораго кокетства.

— „А, тебя зовутъ Валею—значить *валить* можно“,—воскликнулъ великій князь и, поднявъ дѣвочку на воздухъ, дѣлалъ видъ, что хочетъ бросить ее на землю.

Нелады съ главнымъ управляющимъ удѣльными имѣніями заставили моего отца отказаться отъ управленія Ореандою. Отецъ выставилъ мотивомъ просьбы объ увольненіи преклонныя лѣта. Но и послѣ отставки отъ должности онъ продолжалъ пользоваться милостивымъ расположеніемъ великаго князя; великій князь Константинъ Николаевичъ по прежнему время отъ времени удостаивалъ нашъ домъ своимъ посѣщеніемъ.

Однажды поздно вечеромъ отецъ, выйдя на балконъ, увидалъ за Ялтою громадное зарево.

— „Это въ Ливадіи или въ Ореандѣ что-нибудь горитъ“,—сказалъ онъ. Предположеніе его оправдалось: горѣлъ дворецъ въ Ореандѣ.

По поводу этого пожара ходитъ много всякихъ вздорныхъ басенъ. Между тѣмъ дѣйствительною причиною пожара было неосторожное обращеніе съ папиросами мальчиковъ—дѣтей дворцовыхъ служащихъ. Они забрались на чердакъ и тамъ курили. Отъ неосторожно брошеннаго окурка загорѣлась сложенная тамъ морская трава; за чердакомъ занялся весь верхъ дворца. Великаго князя и управляющаго въ это время въ Ореандѣ не было. Когда Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ изъ Ялты, онъ обратилъ вниманіе на сильный запахъ гари. Стали искать причину тому. Открыли дверь на чердакъ. Токъ воздуха мгновенно усилилъ пламя до громадныхъ размѣровъ, и тогда запылалъ весь дворецъ. Прибывшая изъ Ливадіи пожарная команда, съ одною небольшою трубою, не могла справиться съ пламенемъ. Слабая струя воды, выбрасываемая трубою, вызывала только хохотъ въ зрителяхъ.

Великій князь, убѣдившись въ ея бесполезности, распорядился всё усилія пожарныхъ направить на защиту другихъ построекъ.— „Пусть горитъ дворецъ!—сказалъ онъ,—спасайте другія постройки! Тогда струю трубы направили на крыши сосѣднихъ флигелей.

Дворецъ горѣлъ жарко, но медленно, и это дало возможность вынести изъ покоевъ всю движимость, спасти окна, рамы и двери, успѣли даже выломать и вынести камины.

Сутки съ лишнимъ горѣлъ дворецъ. На пожаръ собралась большая толпа зѣвакъ. Любопытные, въ ночь пожара, платили бѣшенныя деньги извозчикамъ за проѣздъ изъ Ялты въ Ореанду: по 20 и даже по 30 руб. въ оба конца.

Великій князь рассказывалъ отцу, что въ толпѣ, присутствовавшей на пожарѣ, онъ слышалъ, какъ многіе говорили:

— „Дворецъ сжегъ самъ великій князь: онъ хотѣлъ уничтожить компрометирующія его бумаги. Оттого онъ и не велѣлъ тушить пожаръ“.

Константинъ Николаевичъ отнесся къ этой праздно болтовнѣ съ презрѣніемъ: онъ посмѣялся надъ глупцами, между тѣмъ злая сплетня пустила глубокіе корни, и въ обществѣ и по сіе время живуть сказки о поджогѣ дворца.

На предложенія построить новый дворецъ великій князь отвѣчалъ:

— „Я самый бѣдный изъ братьевъ и у меня нѣтъ денегъ на это“.

Онъ поселился послѣ пожара во флигелѣ.

Въ Ореандѣ—въ числѣ другихъ лицъ—мнѣ привелось неоднократно видѣть молодую княгиню Воронцову, супругу князя Семена Михайловича Воронцова.

Жена свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, рожденная гр. Браницкая, не отличалась семейными добродѣтелями, и также какъ и ея мужъ, имѣла связи на сторонѣ. Единственный сынъ князя, Семенъ Михайловичъ, не походилъ на отца ни наружностью, ни талантами, ни душевными качествами; это былъ бѣлобрысый увалень, надъ которымъ, знающіе его, подтрунивали, называя „бѣлугою“. Отецъ бывало въ шутку говаривалъ:

— „Сенька не сынъ князя, а сынъ какого нибудь курьера или вахмистра“.

Женился Семеновъ Михайловичъ на вдовѣ—Маріи Васильевнѣ Столыпиной, урожденной княжнѣ Трубецкой, женщиной замѣчательно красивой и неглупой, но очень легкомысленной. О походе ея въ Парижъ и внезапной смерти ея мужа, Столыпина, много говорили нехорошаго.

Старики были противъ этого брака, и, когда въ алушкинской церкви вѣнчали молодую чету, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и княгиня-мать не захотѣли присутствовать при обрядѣ вѣчанія. Не были они и за свадебнымъ столомъ.

Молодой княгинѣ очень хотѣлось имѣть наслѣдника. Она прибѣгала ко всякаго рода медикаментамъ, обращалась за помощью къ ворожеямъ и къ разнымъ шарлатанамъ, но изъ этого ничего не вышло. Тогда княгиня задумала выдать за своего чужого ребенка. Попыткѣ этой, не безъ вѣдома старой княгини, помѣшала графиня Шуазель, очень дружившая со стариками. Она помѣстилась въ проходной комнатѣ и, когда несли въ спальню молодой княгини подысканнаго ребенка, графиня предупредила ея свекровь. Старики рѣшительно возстали противъ подобнаго подлога и передачи ихъ родового имени и титула безвѣстному дитяти: такимъ путемъ затѣя молодой княгини потерпѣла крушеніе и ей не пришлось по смерти мужа остаться владѣлицей Алушки. Тѣмъ не менѣе она вывезла послѣ его смерти всю движимость дворца, страшно тѣмъ опустошивъ его; только, по счастью, замѣчательной воронцовской библіотекою пренебрегла она“.

VIII. Семья архитектора.

До покупки у графа Сухтелена того участка земли, гдѣ теперь помѣщается дача „Пляжи Сарай“, Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ жилъ съ семействомъ поблизости отъ этого мѣста,—на дачѣ генерала Ермолова (теперь эта дача принадлежит Семѣ Бабуниныхъ, называется она „Горная Щель“). Въ то время долину Ялты густо покрывали лѣса, служившія подчасъ надежнымъ пріютомъ разнаго рода бродягамъ и людямъ, стоявшимъ внѣ закона.

— „Очень немногіе—разсказываетъ Каролина Карловна—помнятъ знаменитаго крымскаго Зелимъ-хана—разбойника Алима. Это была

оригинальная личность, о походехъ котораго говорилъ нѣкогда весь Крымъ. Красавецъ собою, смѣлый до безразсудства и неизмѣнно великодушный, Алимъ главнымъ образомъ учинялъ разбои и грабежи въ Таушанскихъ лѣсахъ. Неожиданно, верхомъ на горячемъ конѣ, вооруженный съ ногъ до головы, появлялся онъ изъ-за дубовъ и буковъ, росшихъ по сторонамъ большой дороги, что идетъ изъ Симферополя въ Алушту, передъ почтовымъ дилижансомъ и грознымъ окликомъ: — „Стой!“ — останавливалъ экипажъ.

— „Показывайте, что у кого есть! — приказывалъ Алимъ — Показывайте, ничего не утаивая!“ И путешественники послушно доставали ему свои драгоценности и деньги. Разбойникъ отбиралъ себѣ львиную долю, а остальное возвращалъ собственникамъ. Тѣхъ, кто пытался скрыть отъ него деньги или цѣнныя вещи, Алимъ жестоко наказывалъ своею нагайкою. Часть добычи Алимъ щедро раздѣлялъ между бѣдняками изъ татаръ. Конечно, тѣ за это очень любили его и всѣми мѣрами содѣйствовали ему, если онъ попадалъ въ опасное положеніе. Власти долго не могли изловить отважнаго разбойника. Поймали его въ Симферополь, въ городскомъ саду. Алимъ, утомленный переѣздомъ, неосторожно на ночь укрылся въ бесѣдкѣ городского сада, привязавъ около нея своего коня. По этому коню узнали о присутствіи въ бесѣдкѣ неуловимаго джигита. Его арестовали; судили и, два раза прогнавъ сквозь строй, сослали въ Сибирь.

Этотъ-то самый Алимъ неожиданно и нанесъ намъ визитъ на дачу, когда мы жили въ „Горной Щели“. Я была тогда еще совсѣмъ юною. Моя мать на дворѣ солила огурцы; мы, дѣти, были около нея. Отца дома не было. Къ воротамъ подъѣхалъ молодцоватый татаринъ, соскочилъ съ коня и подошелъ къ намъ.

— „Гдѣ хозяинъ?“ — спросилъ онъ мою мать.

Не подозрѣвая, кто такой прибывшій гость, и въ то время не обратившая вниманія на крайнее смущеніе нашей прислуги, мать объяснила татарину, что мужа нѣтъ дома, и когда онъ вернется, она въ точности не знаетъ. Татаринъ простился съ нами и, вскочивъ на коня, также быстро исчезъ, какъ и появился. Только, когда всадникъ скрылся за деревьями, рабочіе назвали моей матери грозное имя неожиданнаго гостя“.

Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ умеръ на восемьдесятъ пятомъ году жизни, въ 1893-мъ году (4-го апрѣля). За этотъ длинный промежу-

тогъ времени его дѣти успѣли сами состариться; одинъ изъ сыновей, Александръ Карловичъ, профессоръ механики Петровско-Разумовской академіи и Московскаго Императорскаго Техническаго училища, еще при жизни отца выслужилъ полную пенсію и вышелъ въ отставку. Семья „старого планжи“ къ этому времени давно уже разбрелась въ разныя стороны *). Перешло въ другія руки и имѣніе семьи Мауреръ—Азекъ. При отцѣ оставалась одна Каролина Карловна, и ей, какъ самому близкому человѣку, повѣрялъ старикъ свои воспоминанія, рассказывалъ о былыхъ давнихъ дняхъ своей молодости, о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ разными людьми александровской и николаевской эпохъ.

—„Я много разъ уговаривала отца—рассказываетъ Каролина Карловна—заняться составленіемъ мемуаровъ; онъ на своемъ вѣку встрѣчался со многими замѣчательными лицами и былъ очевидцемъ достопримѣчательныхъ событій; его памятные записки, безъ сомнѣнія, представляли бы большой интересъ, но отецъ, когда заходилъ объ этомъ разговоръ, каждый разъ отвѣчалъ мнѣ:

—Мемуары только тогда имѣютъ цѣну, когда они написаны правдиво, подробно и откровенно: мнѣ пришлось-бы беспокоить тѣхъ, кто давно въ гробу лежитъ, ворошить память не только людей достойныхъ и честныхъ, но также многихъ, кто этими качествами не обладалъ. Не хочу своими записками никого огорчать. Пусть, что извѣстно мнѣ дурного про нихъ, умретъ со мною.

Отклоняя мои уговоры о составленіи мемуаровъ, отецъ въ то же время охотно дѣлился со мною своими воспоминаніями. Въ осенніе и зимніе вечера, когда холодный порывистый вѣтеръ вздымалъ сердитую волну на морѣ и бушевалъ въ горахъ, наметая на вершинахъ Яйлы сугробы снѣга, онъ, сидя въ своемъ покойномъ креслѣ, начиналъ рассказывать о прошломъ, рассказывалъ интересно, ярко характеризуетъ лица и событія...

Очень сожалѣю, что въ свое время не записывала его рассказы. Теперь мнѣ трудно ихъ вспомнить: память измѣнила, и, боюсь, что многое за давностью времени могу спутать“.

*) Кромѣ указанныхъ Александра Карловича и Каролины Карловны, Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ выростилъ: 1) сыновей: Эммануила Карловича, служившаго инженеръ-механикомъ на одномъ заводѣ, Михаила Карловича—окончившаго Петровско-Разумовскую сельско-хозяйственную академію и женатаго на сестрѣ извѣстнаго русскаго электротехника Яблочкова—Екатерины Николаевнѣ, и Владиміра Карловича, архитектора и художника; и 2) дочерей: Софію, Елизавету, Марію и Анну.

Я перевелъ рѣчь на событія Крымской войны.

Эти опасенія Каролины Карловны Эшлиманъ врядъ-ли имѣютъ достаточныя основанія. Внося новыя подробности въ біографіи упоминаемыхъ ею лицъ, „воспоминанія“ Каролины Карловны, сличенныя мною съ другими источниками, разбросанными въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ историческихъ журналахъ, изумили меня ихъ строгой точностью.

В. Кашкаровъ.

